

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Александры Андреевны Никитиной «Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья (Литература Ближнего и Дальнего Востока)

Диссертационное исследование А. А. Никитиной «Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века» посвящена теме, на мой взгляд, чрезвычайно интересной и нужной. Исследования в области персоналий, образов, религиозных и фольклорных персонажей, под которой и понимается персонифера, в принципе явление само по себе отнюдь не редкое в литературоведении; однако же, работ, рассматривающих персониферу литературы как отражение картины мира нации на определенном этапе ее развития (именно так сформулировала эту идею сама исследовательница на стр. 5—6), крайне немного, а в научной синологии неоправданно мало. В этом смысле появление исследования А. А. Никитиной представляется событием закономерным и долгожданным, если рассматривать его как восполнение значимой лакуны в китаистическом литературоведении.

Вообще изучением персониферы (пусть и не всегда называемой именно этим словом) как отдельным явлением определенного периода или течения китайской литературы занимался целый ряд отечественных специалистов; здесь, безусловно, нельзя не назвать работы В. М. Алексева, Л. Н. Меньшикова, Б. Л. Рифтина, Л. Д. Позднеевой, В. И. Семанова, В. Ф. Сорокина, Т. А. Малиновской, Н. А. Спешнева, С. А. Торопцева, М. Е. Кравцовой, И. А. Алимова. Персониферу отдельных литераторов или литературных групп описывали Л. З. Эйдлин, Е. А. Серебряков, Д. Н. Воскресенский, А. Н. Желуховцев, И. С. Смирнов — список имен можно продолжать и продолжать, но применительно к колоссальным масштабам наследия китайской словесности это, конечно же, капля в море, и новые исследования в данной области неизменно востребованы, особенно, если они посвящены целому временному пласту, охватывающему творчество нескольких поколений разноплановых писателей. Именно такой и является работа А. А. Никитиной, исследующая персониферу китайской прозы 1949—1999 годов, то есть, выборки, представляющей полвека самых различных направлений этого вида литературы.

В диссертационном исследовании освещается непростой путь становления современной китайской прозы; борьба идей в истолковании новой литературной политики в стране в сороковые и пятидесятые годы; роль КПК в этом процессе; дискуссия о «среднем герое», которую вели крупные писатели 1960-х, отстаивая свои взгляды на сущность художественного творчества; процесс формирования «образцовых героев»

культурной революции и реабилитация традиционных творческих установок после 1976-го года; литературные дискуссии 1980-х и закрепление в Конституции КНР принципа свободы творчества; драматические события 1989-го года и их влияние на культуру; вторжение законов рынка в литературный процесс 1990-х и те изменения, которые он привнес.

Рассказ об этих непростых процессах в истории китайской литературы XX века композиционно разделен в работе на три значимых временных отрезка, отдельно освещенных в трех главах, которые и составляют основной корпус диссертационного исследования. Помимо детального анализа исторической обстановки каждого из трех выделяемых периодов, в главах дана репрезентативная выборка созданных в это время прозаических произведений и подробно рассмотрены особенности изображения их героев. Таким образом, прослеживается явная взаимосвязь между историческими изменениями в осмыслении литературного процесса и эволюцией персониферы произведений различных периодов, и наглядность этой взаимосвязи очень высока.

Работа четко структурирована, написана внятно, хорошим языком, опирается на солидную базу исследований (в списке использованной литературы 257 работ на русском, китайском и английском языках) и прошла апробацию на четырех представительных международных конференциях.

Есть, конечно же, и опечатки, и ряд стилистически неудачных формулировок, вроде «Царящая на службе, с точки зрения Линь Чжэня, несправедливость и халатность, трогают его до глубины души» (стр. 61) или «Когда перед Ван Инхуном встает дилемма – продолжать помогать матери и дочери по хозяйству и принимать их внимание и заботу или прекратить эти отношения не по уставу ради исполнения воинской дисциплины, он долго колеблется, но выбирает первое» (стр. 64), «Автор подчеркивает, что в среде обычных служащих низшего звена его «кукольное лицо» никого не смущало, все считали его бойким и работоспособным» (стр. 126) и некоторых других, но это не сказывается на общем высоком уровне проведенного исследования.

Есть одно пожелание к работе, не отрицающее его высоких качеств и выводов. Утверждение, гласящее, что «... древняя и средневековая литература Китая характеризуется высокой степенью формализации: вплоть до начала XX века в изображении персонажа на первое место выходили его нормативные свойства, обусловленные социальным статусом, а не индивидуальные особенности внешности и характера» (стр. 30) и дальнейшее развитие этой тезы (насчет прекрасной внешности и

силы положительных героев и отвратительной наружности и злодейских повадок героев отрицательных, четкой дихотомии герой—злодей и тому подобное, встречающееся неоднократно в разных частях исследования) требует некоторого пояснения и конкретизации. Уже в танской новелле мы встречаем варианты изображения героев, внешне безобразных и отвратительных, принадлежащих к низшим слоям, но наделенных прекрасными душевными качествами и необыкновенными умениями. Таковы герои новелл «Куньлуньский раб» из сборника Пэй Сина, «Подворье предсказанного брака» Ли Фу-яня и целого ряда других, в то время, как красивый и талантливый чиновник может оказаться человеком порочным и всеми порицаемым (например, новелла «Повесть о Хо Сяо-юй» Цзян Фана). Традиция эта не умирает на протяжении столетий; персонажи новелл цинского писателя Пу Сун-лина (1640–1715) тоже отнюдь не трафаретны, и часто поведение героев идет кардинально вразрез с их социальным статусом и описанием присущих им внешних и внутренних достоинств. Так что, абсолютизировать «Движение 4 мая» в смысле привнесения в китайскую словесность не существовавшей ранее глубины я бы ни в коем случае не стал. Здесь имеет смысл говорить о художественных формах выражения, которые до 20-х годов XX века были ориентированы на сформировавшуюся систему стереотипов, прежде всего, простонародной китайской культуры, а после переориентировались на систему стереотипов литературы западной. Отсюда и тяготение определенной части традиционных прозаических описаний (например, в минских романах) к клишированности сказовой культуры, но это никак нельзя транспонировать на всю классическую прозу и этим противопоставить ее психологичности «новой» литературы. Были периоды, когда такие обобщения в отечественной науке делались и приветствовались, но сегодня в этом вопросе, коли речь вообще о нем заходит, был бы желателен более тонкий и вдумчивый анализ.

Несмотря на небольшие замечания, в целом, можно заключить, что диссертация А. А. Никитиной представляет собой самостоятельное, завершенное и комплексное исследование, обладающее научной новизной, выполненное на высоком профессиональном уровне и посвященное проблеме, имеющей важное теоретическое и практическое и научное значение. Кроме специалистов по истории и теории современной литературы, эта работа может быть полезна исследователям политической мысли Китая XX в. и целому ряду других ученых, занимающихся проблемой проявленности общественных идей в различных формах художественного творчества. Диссертация написана доказательно и убедительно, оформление нареканий не вызывает.

Диссертация Александры Андреевны Никитиной на тему: «Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века» соответствует основным

требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Александра Андреевна Никитина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока).

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук,

Профессор с возложенными обязанностями

Заведующего кафедрой китайской филологии

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'А. Г. Сторожук', written in a cursive style.

А. Г. Сторожук

08.06.2017